

От конфуза Бальфона спасла жена. Маркиза переключила внимание гостей на себя, избавляя мужа от необходимости краснеть.

«Я слышала, что вы приехали из Павитона. У вас так популярны трюфели и блюда из гусиной печени? Вы столько о них знаете!»

Широн покачал головой: «К сожалению, нет. Однако в бытность свободным рыцарем мне много довелось путешествовать. И, заодно, опробовать множество блюд. Гусиная печень с чёрными трюфелями – одно из тех, что привели меня в восторг.»

Теперь историей Широ́на увлеклись все.

Отпрыски аристократических семей, никогда не выезжавшие за пределы Бенъона, при упоминании стези странствующего рыцаря мечтательно завздыхали. Молодёжь всегда влекут приключения, да вот слышать о них приходится пока только из чужих уст.

«Разве странствующий рыцарь способен позволить себе блюда из гусиной печени и прочую изысканную кухню? Не водите ли вы нас за нос?» – укорила Широ́на дворянка, являвшаяся тайной воздыхательницей маркиза Бальфона.

Этого Широ́н и дожидался. Он надеялся, что подобный вопрос прозвучит.

«Конечно, заказать столь изысканные блюда, как эскалоп де фуа-гра, я не мог. Однако мне ничто не мешало приготовить их самостоятельно. Более того, я часто так и поступал. Когда речь заходит о блюдах из гусиной печени, люди думают, что для этого годятся лишь одомашненные птицы, выращенные на специальных кормах, но это не так. Дикие птицы тоже накапливают в печени жир к дальним перелётам. И если изловить их в нужное время, получишь ингредиенты весьма высокого качества.»

Благородные дамы ахнули, впечатлённые его рассказом.

А Широ́н меж тем делал историю ещё увлекательней, попеременно встречаясь взглядом с каждой из присутствующих женщин.

«Примерно так же обстоит и с трюфелями. Споры их предпочитают дубравы, прорастая на глубине от пяти до тридцати сантиметров, но порой встречаются и на метровой глубине. Потому людям искать их затруднительно, однако должным образом тренированные собаки отлично справляются с этой задачей. Если представится такая возможность, я обязательно продемонстрирую вам свои кулинарные навыки... Жаль, что я не могу сделать этого прямо сейчас!»

«Ха-ха-ха-ха!»

Во время рассказа Широ́н бурно жестикулировал, показывая, будто готовит, что заставило влиятельных аристократов расхохотаться.

Дамы же наблюдали за ним, не спуская глаз и сцепив ладони. Они испытывали сильнейшее любопытство и чувство близости к Широ́ну. Потому как в нём гармонично уживались образы странствующего рыцаря и заботливого мужчины, что готовит своими руками.

Широ́н намеренно вёл повествование так, чтобы создать нужную атмосферу. И когда вокруг разразились смехом, то сделал смущённое лицо и поскрёб в затылке.

«Ах да, аристократам ведь не пристало готовить? Прощу меня извинить. В бытность странствующим рыцарем во мне укоренились определённые привычки... и порой меня заносит не туда.»

Порозовевшие щёки и невинный взгляд. И при этом необычные, но уверенные и элегантные манеры.

Дамы увлеклись ещё больше.

Да и мужчинам, похоже, его умение держаться пришлось по вкусу, поскольку они демонстрировали большие пальцы в знак поддержки.

Широн же понизил голос и чуть подался вперёд, продолжая рассказ: «Кстати, я припомнил ещё кое-что любопытное. Чёрные трюфели превосходны и это неоспоримый факт, однако существует гриб, вкус которого ещё интересней. Это так называемый белый трюфель, что произрастает в провинции Пьермонт королевства Тругель.»

«Белый трюфель? Они действительно существуют?»

«Да, они существуют. Более того, мне доводилось слышать, что белые трюфели Пьермонта просто фантастические», – согласился аристократ из числа тех, кто особенно увлекались гурманством.

Его утверждению поверили безоговорочно. Потому что этого человека считали одним из главных гурманов Беньона.

Теперь на Широ́на взглянули по-новому.

А тот обвёл взглядом присутствующих и продолжил: «Однако белые трюфели из Пьермонта портятся в течение пяти дней после выкапывания. Из-за трудностей с хранением, они не так известны, как трюфель чёрный. Кроме того, белые трюфели обычно приходится искать глубже, чем грибы других видов. И если зададитесь целью его откопать, то придётся делать это преимущественно ночью. Ведь как известно, в это время суток нюх собак более чувствителен. И вот однажды, разрывая землю в пьермонтской дубраве в поисках белых трюфелей, я вдруг заметил, как ко мне подкрадывается чёрная тень. Стояла поздняя ночь, на небе не было луны...»

Могли ли те, кто большую часть жизни провели в пределах Беньона, не увлечься его рассказом? Тем более, что истории из его жизни были бесконечно увлекательны...

Затаив дыхание, все с головой ушли в историю Широ́на. Он больше не выглядел достойным осмеяния деревенщиной. Теперь он стал центром собрания и главным героем рассказа.

Только один человек – лишённый внимания хозяин вечера – смотрел неприязненно. На протяжении всего повествования Бальфон непрерывно жевал губу и смотрел на Широ́на с досадой.

А пока в резиденции маркиза проходила роскошная вечеринка, герцог Лебуэль принимал важного гостя.

Лебуэль всегда активно участвовал в светских вечерах и прочих общественных мероприятиях. Однако нынешний гость являлся столь важной персоной, что от приёма у маркиза пришлось отказаться.

Канцлер королевства Колом – герцог Базелиц.

Именно он, прибывший в Бенъон в качестве посла короля Баньяка фон Колом, составлял сейчас компанию герцогу Лебуэлю.

Обиды минувшего вторжения были слишком свежи. И оба участника конфликта – и нападавшие, и защищавшиеся – испытывали друг к другу крайнюю неприязнь.

Особенно обозлённой выглядела потерпевшая сторона, так что послов из Колома галикцы видеть у себя не желали. И попытайся приехать в Бенъон кто другой, его бы завернули ещё на границе.

Но это всё же канцлер Базелиц – фактически второй человек в Коломе, имеющий право на принятие государственных решений как в больших, так и малых делах. И просто так отказать столь важной персоне было бы слишком недальновидно.

При дворе короля все были порядком взбудоражены. После объявления, что в Бенъон в качестве посла прибудет канцлер Базелиц, требовалось соблюсти многие протоколы – например, раздать указания, как вести себя в присутствии иностранного вельможи и какие темы разговоров при том можно затрагивать.

Народу о личности посла пока не сообщили. Такие дела не любят спешки, особенно пока королевская семья не выработала линию поведения.

Когда о визите канцлера Базелица доложили королю Арнарду Второму, его первая реакция была крайне негативна. Мол, кем бы тот ни был, гоните его в шею, да и дело с концом.

Но тут пришла весть, что королевства альянса Градун, и Тругель в том числе, обозначили свою позицию по поводу поддержки Колома. Они почти единым фронтом заявили, что примут решение лишь на основе реакции королевской семьи Галика.

Что тут прикажете делать? Выходит, хочешь или нет, а посла придётся по крайней мере выслушать.

В итоге, к границе с Коломом направилась королевская гвардия Галика – чтобы встретить и обеспечить послу безопасный путь. А когда отряд сопровождения возвратился в Бенъон, то к городским воротам навстречу выехал герцог Лебуэль.

Как бы ни относился он к коломцам лично, послом являлся канцлер соседней страны. И решение о его принятии уже свершившийся факт. Так что желание послать того подальше пришлось в себе задушить, и отнестись к гостю со всем подобающим уважением.

Вот и вся подоплёка ситуации, по которой герцог Лебуэль выехал навстречу канцлеру Базелицу.

Лебуэля не зря считали превосходно разбирающимся в межличностных отношениях. Он не выказал ни толики неприязни по отношению к гостю, напротив, тепло приветствовал собеседника.

«Благодарю вас за проделанный путь! Я слышал о репутации герцога Базелица много хорошего, и, наблюдая самоотверженность, с какой вы пустились в дорогу ради своей страны, понимаю, что информаторы не лгали.»

О чём ни думал на самом деле Лебуэль, по крайней мере, приветствие звучало вежливо и торжественно.

Находившийся подле переводчик принялся старательно переводить сказанное на коломский.

Но его прервали. Как оказалось, канцлер Базелиц прекрасно понимал язык, на котором изъяснялся герцог Лебуэль.

На весьма беглом галикском тот ответил: «Перевод не требуется. Я долгие годы изучал язык и богатую культуру Галика. Первым делом хочу поблагодарить герцога Лебуэля за организованную встречу. Я ожидал, что меня, как гражданина Колома, примут плохо из-за совершенного нами греха... и поистине приятно удивлён. Не зря о галиках отзываются, как о людях невероятной широты души, и тщательно соблюдающих этикет!»

Галикский Базелица был действительно хорош. Услышанное настолько поразило Лебуэля, что он даже расширил в удивления глаза.

«О, а вы и впрямь здорово изучили наш язык! Мне даже немного стыдно за то, что не знаю коломского. Но, как бы то ни было, добро пожаловать! Его величество примет вас как можно скорее. Вероятнее всего, завтра. Поскольку ведёт вас дело исключительной важности, то и его величество настроен очень серьёзно.»

Произнеся эту фразу, герцог протянул руку. И Базелиц крепко её пожал.

Торжественное рукопожатие канцлеров двух стран.

Как бы ни относились они друг к другу на самом деле, со стороны оба казались добрыми друзьями.

Помпезная, величественная архитектура, многочисленные скульптуры и барельефы, а также высокие фонтаны чудесно гармонировали с окружающим всю эту красоту роскошным садом.

Королевский дворец Арнарда Второго являл собой вершину великолепия. Посещая это место впервые, человек непроизвольно начинал терять глаза, не в силах поверить в реальность обстановки.

«Сад богини, творенье её нежных рук! Чудесный, совершенный, весь благоухает. От его вида так захватывает дух, что время словно замирает!»

Слова эти произнёс известнейший менестрель, увидавший сад во дворце Галика. И история эта отлично иллюстрирует то, насколько впечатляет убранство дворца.

Чтобы попасть на аудиенцию к королю, нужно пройти через сей длинный и прекрасный сад.

Задумано так специально. Любой, кто сюда входит, оказывается ошеломлён. И, появившись в этом состоянии перед королём, непроизвольно испытывает к тому почтение.

Приезжавшие в Бенъон иностранные послы регулярно попадали под очарование сада. Притом, что прекрасно знали правила дипломатии. Ведь когда мозг отвлечён, его легко сбить с толку во время переговоров. Допускать подобное нельзя категорически.

Но, стоило увидеть сад, как разум немедленно отключался, настраиваясь на возвышенный лад.

На следующий день после вечеринки, граф Монтень и Широн вошли во дворец Галика.

Прошествовали через упомянутый сад и предстали пред Арнардом Вторым.

Трон короля располагался на высоком подиуме, к которому вела лестница. По обе стороны от дорожки располагались министры. Позади министров высились рыцари королевской гвардии в золочённых доспехах. Пол устилал лиловый ковёр, а на полу у трона лежала шкура тигра.

Величественная красота! Роскошь! Торжественная атмосфера!

Но вышагивавший по дорожке Широн, казалось, не испытывал ни малейшего неудобства. Несмотря на то, что, предстая перед королём, молодой рыцарь вроде него не мог не чувствовать нервозности, Широн не выказал ни толики волнения.

При этом поведение его не казалось грубым или высокомерным. Просто он вёл себя словно, являясь высокопоставленным вельможей, посещал это место каждый день.

Аристократы чувствуют такие вещи подспудно. А аристократы Беньона – в особенности. И именно по этой причине ощущают неприятие в общении с провинциальной знатью. Это то самое чувство, когда встречаешь человека, чья жизнь кардинально отличается от твоей собственной.

Но, как ни странно, подобное не возникало в них при виде Широна. От него не веяло инородностью, которая исходила, например, от идущего рядом графа Монтеня.

И это почувствовал даже Арнард Второй. И потому больше обращал внимание на Широна, чем на обладавшего более высоким рангом Монтеня.

«О, так вы и есть те самые герои, что остановили вторжение Колома! Герои всего Галика!» – первым делом оценил вклад Широна и графа Монтеня король. Слова эти и стали официальным приветствием.

Монтень немедленно преклонил колени и ответил: «Это заслуга вашего величества. Как бы ни говорили о наших успехах, возможным сие стало лишь благодаря вашему надёжному руководству, а не нашим личным способностям.»

«Хо-хо, мне приятно это слышать, граф Монтень!» – произнёс король, после чего обернулся к герцогу Лебуэлю. – «Итак, мы собрались, чтобы решить одно очень важное дельце, не так ли?»

Герцог Лебуэль, канцлер королевства Галик!

В эту минуту в Беньоне не было никого, кто мог бы оказать большее влияние на судьбоносные решения.

Почтительно склонив голову, герцог произнёс: «Да, ваше величество! Однако, на мой взгляд, перед озвучиванием окончательного вердикта, стоит выслушать посла королевства Колом, далее узнать мнение Павитона и, наконец, положиться на мудрость наших министров.»

«Звучит неплохо! Так и поступим», – благосклонно отозвался король.

После чего вперёд выступил посол Колома, герцог Базелиц.

Персона в должности канцлера, второй в стране после короля! Галикцы были потрясены, когда услышали, кто именно прибыл в Беньон для переговоров. Потому как подобных прецедентов в истории отношений королевств не было.

Большинство из собравшихся не имели ни малейшего понятия, кого направил Колом в качестве посла. И когда прозвучало имя Базелица, выглядели, словно громом поражённые.

Действия же Базелица стали ещё поразительнее. Отойдя от привычного протокола, он глубоко поклонился Арнарду Второму. В то время, как большинство на его месте ограничились бы коленопреклонением, он вдобавок совершил глубокий поклон.

«Ваше славное и милосердное величество, недостойного человека пред вами зовут Базелиц, канцлер Колома. Судьба нашего королевства сейчас как свеча на ветру. Без помощи Галика нам не выжить!» – произнёс канцлер Базелиц на удивительно чистом галикском.

Далеко не всегда он владел им на таком уровне. То был результат долгой и кропотливой практики. И доказательство того, насколько важна озвученная проблема.

Поражён был даже герцог Лебуэль, уже имевший удовольствие пообщаться с Базелицем.

Пока все находились под впечатлением, посол продолжил: «Минувшей весной мы вероломно вторглись в принадлежащую Галику провинцию Павитон. И при всём при том, я дерзну бесстыдно просить о помощи. Потому, что мы в огромной опасности. Потому, что мы испытываем страх перед великой армией Арманской империи. Прошу, не оставьте нас в беде! Мы не сможем остановить Арман в одиночку. А значит, неизбежно станем их колонией. И тогда королевство Галик окажется окружено Арманом и с востока, и с запада.»

Слова Базелица тронули всех без исключения. Ситуация была настолько отчаянной, что призадумались даже те, кто изначально выступали против отправки подкрепления.

Почувствовав это, Лебуэль вбил пробный клин. Расчёт был на то, что Базелиц не уступит даже ради помощи.

«Разве то не исключительно ваша вина? Ведь случившееся – следствие того, что вы подло атаковали нас и лишились всех рыцарей в сражении с маркизом Бальфоном.»

Лицо Бальфона побледнело. Ему почудилось, будто сердце остановилось! Маркиз и представить не мог, что Лебуэль упомянет его имя столь открыто.

Канцлер Базелиц тоже на миг опешил. Причём здесь маркиз Бальфон, и что за история с уничтожением рыцарей?

По его сведениям, армию Колома жестоко разбил рыцарь по имени Широн. Бальфона же в связи с конфликтом ему вообще не упоминали.

Но Базелиц не имел времени размышлять о подобных вещах. Не для того ведь он проделал весь этот путь в далёкий Бенъон, чтобы спорить из-за былых событий?

«Вы правы. Это действительно целиком наша вина. Но я здесь не ради спора, а чтобы признать ошибки и попросить помощи.»

И Базелиц склонился ещё сильнее, опустив голову.

Когда Лебуэль это увидел, на лице его промелькнуло разочарование. Если Базелиц готов унизиться настолько, то дальнейшее давление на него не имеет смысла. Он ведь уже признал вину, так чего ещё от него требовать?

Перешёптывания среди аристократов усилились.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/4458343>